

*Александр Петрович
Торностаев*

ПОДСОЛНУХИ

Александр Горностаев

ПОДСОЛНУХИ

«Издательские решения»

Горностаев А. П.

ПОДСОЛНУХИ / А. П. Горностаев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-531132-0

В книге есть всё важнейшее для поэтических текстов: яркая образность, блеск метафор, оригинальность мышления. В них свет души и озарения творчества.

ISBN 978-5-00-531132-0

© Горностаев А. П.
© Издательские решения

Содержание

Александр Горностаев	6
УЛЕТАЮЩИЙ К ЮГУ	9
ЗДРАВСТВУЙ, АРСЕНЬЕВО!	13
СТИХИЯ	15
ПОСЫЛАЙТЕ	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

ПОДСОЛНУХИ

Александр Петрович Горностаев

© Александр Петрович Горностаев, 2021

ISBN 978-5-0053-1132-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Александр Горностаев ПОДСОЛНУХИ

стихи

А. П. Горностаев
ПОДСОЛНУХИ – Саратов

Горностаев Александр Петрович

По дорогам и вокзалам
(о поэзии Александра Горностаева)

В произведениях братьев Стругацких, которые литературоведы и любители фантастики объединяют в некий условный Мир Полудня, фигурирует такой неспецифический для этой вселенной всеобщей устроенности и коммунистического благополучия институт как ГСП – группа свободного поиска. Рациональное и достигшее-таки принципа «от каждого по способностям – каждому по труду» гипотетическое человечество Стругацких всё-таки вынуждено оставить некую лазейку для индивидов, обуянных жадой поиска, причём поиска не научного, не систематического, поиска по сказочному принципу «пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что»...

В нашем обществе, несказанно ещё далёком от космической утопии советских фантастов, этот его элемент – свободный поиск, как ни странно, присутствует. Правда, работает он скорее «от противного» – если у Стругацких это некий «клапан для выпуска пара» у состоявшегося и безопасного мира, то в наше время таковой поиск – это как раз способ отыскания путей к этим недостижимым мирам будущей (возможной ли?) гармонии...

И, конечно же, современные ГСП-шники – это люди творческие. Есть свой сектор свободного поиска и в русской поэзии, мало того – здесь он традиционно играет активную роль. Один из приверженцев свободного поиска в поэзии – автор книги, которую вы сейчас держите в руках – Александр Горностаев. Причём его поиск – не только поэтический, но и реальный, географический, ведь странствия духовные тесно переплелись в биографии поэта со странствиями по стране. Именно поэтому однажды уже появившись на литературном небосклоне Саратова с яркой дебютной книгой «Галактик вьюга» (она воспроизведена и в этом издании), он, подобно комете, надолго исчез из нашей «солнечной системы».

И вот – второе пришествие. С новым багажом стихов, рифм, образов и с этой извечной, со времён скоморохов и вагантов, сумой странника:

Хоть и охаяны мои овраги и ухабы,
Приятно мне, пройдя заснеженность земель,
Ввалиться с вьюгой в дверь к красивым бабам,
Как дикий зверь, блуждающий в зиме.

Родина по Горностаеву – это почти всегда дорога, путь и метафоры, с ними связанные – подорожник, троллейбус, клин перелётных птиц, улица, даже время у него – это не время само по себе, а как-бы время движения:

И меня влечёт иное время
В мир возможностей, творений, новостей.
Только вновь всё перепутано в Отчизне!
Эти улицы иначе назвались
Будто главный акт свершили в жизни
Общества высокие слои.

Поэт-путник одновременно получает удовлетворение и вдохновение от своих странствий, и, вместе с тем, болезненно переживает неустроенность – прежде всего духовную, окружающего. Отсюда и образ Родины в большей степени как некой «родины души», а не конкретного места, хотя локальные родники вдохновения в стихах Александра Горностаева есть, и если уж они появляются, то звенят в полную силу:

Арсеньев! Ты грёз моих столица!

Далёкий мир, почти как Воркута.
Диплом учёбы и багаж амбиций
Я в молодости привозил сюда.

«Здравствуй, Арсеньев!» – стихотворение удивительное и камертонное для нового новейшего поэтического периода поэта. Звучащее упоительно-архаично, терпко отдающее поэтикой 1970-х, с их размахом и броуновским брожением молодых по огромной стране, оно суть есть не просто изложенное стихом воспоминание, а своеобразное поэтическое подношение, лирические объятия с любимым местом, ушедшей юностью, полузабытой любовью... И опять, из родного для автора поля Нечерноземья, из тёплых воспоминаний и распахнутых рук прорастает он – Путь, вечная дорога, у которой здесь нашёлся исток, как у великой реки: «Я словно снова странный тот мальчишка, / Дорогой избранных сквозь тернии иду...»

Удивительное свойство поэзии – неожиданные выходы из обыденного в космическое и обратно, А. Горностаев использует филигранно и всегда к месту. Его стихотворение «Осенние яблоки падают...» сплошь состоит из тонких, изящных образных связей о судьбах человечества и «проклятых вопросах» с акварельным пейзажем удивительной ясности и прозрачности. Пройти по черте, соблюсти равновесие между созерцанием и сопереживанием, усилить одно другим – это весомый признак зрелого авторского мастерства.

Редкий сборник стихов обходится без произведений на тему «Поэт о поэзии». Поэтический самоанализ – наверное, древнейший в мировой культуре, вспомним хотя бы глубоко метафорическое описание Бояна и его языкового стиля в «Слове о полку Игореве!» Тут трудно сказать что-то новое, и чаще авторы ограничиваются очередным «плаканьем в жилетку» мировой литературы или, напротив, превознесения всеобъемлющей и основополагающей роли поэзии на невиданные высоты. Александр Горностаев сумел, однако, найти нехоженые тропинки и в этой густонаселённой словами местности. Его стихотворение «Приходят медленно, садятся, тихо...», хотя и посвящено самодеятельным литераторам (девять из десяти из которых обычно поэты!), всё-таки не совсем о поэзии даже, а о преодолении одиночества, об обретении читателя и слушателя, о целебной силе слова и его исповедальной сути на последнем отрезке жизненного пути. Думаю, это стихотворение А. Горностаева могло бы стать своеобразным гимном для бесконечного множества любительских литературных объединений на Руси...

Читатель встретит в книге «Подсолнухи» весьма неровные образные линии – автор то взлетает к небесам в оптимистическом восторге, то погружается в глубины уныния, но вектор у этих «американских горок» всё же восходящий – к солнцу и свету. Недаром заглавным стало стихотворение, однозначно отказывающееся от полутонов и теней:

Я думаю: светило – мудрый каменщик,
построивший земли зелёный мир.
В подсолнухах нуждался, как в товарищах
в прямой борьбе с приверженцами тьмы...

И ещё раз они, подсолнухи, всепобеждающий символ добрых начал, появляются в стихотворении «Беседа с Байроном и Гёте»:

Мне, как потомку прославлявших солнце,
Подсолнухи добра назначено сажать.

И эта книга – тоже будет тебе, читатель, хорошим товарищем в борьбе с тьмой. Потому что она – честная, открытая, написанная душой.

Потому что она – добрая.

Алексей Бусс

Цветы лугов свежи, как юность младших!
И шелест листьев – мне благая весть!
Так хорошо бродить в краю ромашек
И ползающих ящеров в траве!
С такой живой уверенностью в завтра
Шныряют здесь среди стеблей и камней
Потомки эти жутких динозавров,
С глазами ясными, как отблески комет!
Здесь можно жить – размеренно и чинно —
Среди лугов, в просторах тополей,
Где добрых дум случайная горчинка
Не омрачает свет в душе моей.
Наполнить жизнь трудом, как здоровым смыслом,
Впадая в радость оттого – вдвойне,
Что никогда не жаждал править миром,
Не угнетал доверившихся мне.
Благополучье лет земных не строил
На почве горя. В жажде жизни, как Грааль,
Из родников судьбы, с краями вровень
Воды звенящей в кружки набирал.
В краю цветов покоя храм – для старших.
И молодых в цветущий мир набег
С величием равных бабочки и пташки
приветствуют из голубых небес!

УЛЕТАЮЩИЙ К ЮГУ

Треплет ветер опавшую грудь,
Блеклой охрой расцветенный куст.
И зовёт, улетающий к югу,
В высь отставших сородичей гусь.

Если б в след серой птицы подняться —
Взмах за взмахом ликующих крыл,
с ощущеньем, похожим на братство,
с безысходностью желтой поры.

Взглянешь: гуси на юг улетают!
И взлетит, словно птицы с земли,
В небо, с сердца поднявшийся стайей,
Острой грусти пронзительный клин!

Улетят, улетят, растворятся,
Сгинут гуси в далекой дали;
Словно там исчезает, в пространствах
След минувшего – памяти блик.

Подниму в знак прощания руку,
Вдруг признав, что сквозь времени гул
Мне кричит улетающий к югу,
Словно близкий неузнанный друг!

Интернета визжащая псарня,
Выводящая нас из себя,
Жаждет с тщетным упорством бездарных
Всё талантливое истреблять.
Маяковский не знал интернета.
Но сумел бы поэт отвести
От себя, как прицел пистолета,
Жёсткий троллинг всемирной сети?

Смог бы этот гигантище, слова
Острого дерзкий вожак
Современности злобную свору,
Как сбесившихся тварей, сдержать?
Хватит сил не простому таланту
Травли вынести гибельный гон,
Ложь выдерживать стойким атлантом,
Сохранять прометеев огонь?

Нет уваженья к вешему Уменью,
И общеполитический российский фон
Не может стать средой для пополнения
Жемчужинами творчества в алмазный фонд.
Молчат словесности российской могикане,
А молодые видно просто не смогли
раскрыть в себе, как карту, древних знанье,
К сокровищам, в поэзию направить корабли!
На улицах, где жизнь в искусстве – длилась
Теперь так редки лики истинных творцов.
И только времени черты – несправедливость,
Везде, во всём я узнаю в лицо...

Хорошая строчка не сгинет
В пожарах страстей и времён:
Фантомом к потомкам проникнет,
В пространстве оставит клеймо!

Добро должно быть с кулаками

С. Куняев

Когда Добро приходит с кулаками,
Оно всем Божьим Замыслам дает леща,
Указывает путь кратчайшими шагами
К страдальцам ада, но не с целью —
их там навещать...

Серёжа, застегни душу, это также

Неприлично, как растёгнутая ширинка

А. Мариенгоф

Не зазорно прилюдно показывать брюхо
И бесстыдно лобка тёмной статью блистать...
Но растёгивать душу свою, словно брюки,
Чтоб бросалась в глаза не прикрытая чувств нагота?

В сознаниях масс ещё случится проблеск,
Жизнь всковырнёт искусства свежий пласт, —
Моей судьбы, стихов глубинный образ
Сверкнет в шурфах, как драгоценный сплав!
Тогда в поэзии непознанную область
Пойдёт старателей словесности толпа!

Приходят медленно, садятся, тихо
Ждут очередь, чтоб вирши почитать...
Пред их упорством вышколенный стих мой

Теряется, как бранных дел тщета.

О, Боже мой! Я жажду спросить,
На поэтические глядя посиделки:
– откуда столько старцев на Руси,
В искусстве слова проявивших дерзость?

Они обыденности вечные подростки,
Отправившие вдаль мечтаний корабли!
Их вдохновлял, наверно, Маяковский,
Позвал Есенин в искренность любви!

Их собственных лиричных описаний,
Возможно, не заметит поэтпром,
Но дорог будет свет воспоминаний
Родным и тем, кто сердцем умудрён...

Звезда моих поэм не канет в Лета,
Но, если знаменит не буду молодым,
Пока живым, непонятым поэтом
Вольюсь по возрасту в знакомые ряды!

Приду, печально согбенный судьбиной,
Забыв обид никчёмное нытьё,
Как бы последней песней лебединой
Исполнить назначение своё.

Один юнец, на вид – «избранник Бога»,
Мне скажет: «Дедушка, подвиньте костыли.
Рифмуете Вы бесподобно... плохо
Сто раз воспетый истин неолит».

Я усмехнусь, я буду даже счастлив,
Всегда от кривды ощущавший боль.
Пред тем, как стать мне к жизни не причастным,
Пусть выскажется обо мне любой.

Потом подробно обо мне напишут,
Но нынче скажет кто-нибудь ещё —
Из тех, других, из чутких, из любивших,
Моих ценителей... Пусть невелик их счёт...

По миру шёл я тропами исканий,
В словах стихов пытаюсь воплотить
Души порывы, сердца восклицанья,
Тяжёлый шаг земной моей судьбы...

Пииты старшие свои находят цели —
Зачем в искусстве столько лет гореть.

Пока они стоят средь зала, в центре,
Поверится, поэзия не смеет умереть.

Они свидетели таких талантов сборищ!
Хранители общения основ!
И просто так, с усмешкой, не поспоришь
С житейской истиной их вдохновенных слов!..

Снимите лавр турниров победители,
Умерьте молодости вычурную спесь:
Как перед Богом на последней исповеди,
Внимайте, жизнь вам прочитают здесь...

ЗДРАВСТВУЙ, АРСЕНЬЕВО!

Предметно, ясно, глубоко и близко
Воспринимаю лет прошедших даль,
Когда назад с восторгом перелистан
Воспоминаний яркий календарь.

Я помню, как в края Нечерноземья
Внедрял спецов советский агропром,
Как сочетались труд, любовь, веселье
С наивной верой в правду и добро.

Арсеньево! Ты грёз моих столица!
Далёкий мир, почти как Воркута.
Диплом учёбы и багаж амбиций
Я в молодости привозил сюда.

Представьте, жил неугомонный малый —
Недолгий гость диковинных чужбин,
Искавший, по дорогам и вокзалам
Предназначенье собственной судьбы.

Считал, идущий вольно по планете,
Улыбками встречаемый людьми,
За Божью искру, что в душе поэта,
Он будет признан, издан и любим!

Да только вот не под аплодисменты, —
Дистанцию – сплошные виражи,
Бесчисленных лишений километры
Смешная жизнь, как стайер, пробежит.

Ушли в былое возраста ошибки,
Затихли в прошлом просьбы и мольбы.
Но только чувства высшего пошиба
Существованья быт не истребил.

Хочу пойти знакомым поклониться,
По улице Папанина пройтись...
И в бликах памяти помедленнее биться
Мне не удастся сердце упросить.

На лавочке у памятного дома
На прожитое – словно оглянусь, —
Увижу встречи с давнею знакомой...
Узнаю больше про свою вину.

Но перед совестью не опущу я взгляда:

Не мучь, пойми знаток Добра и Зла,
что каждым мигом счастья, как наградой,
Всей нашей жизни полнится казна.

Далёкий край! Напоминать излишне
Мне прежний пыл, всё, что храню и чту.
Я словно снова странный тот мальчишка,
Дорогой избранных сквозь тернии иду...

Куда девались дивные поэты,
Рассудку, власти, страху вопреки
На площадях и улицах планеты
Читающие честные стихи?

Они вошли в дома, как в общий сборник,
Ушли, как в край Аида, в интернет.
А в эпизодах жизни – не бесспорных —
Их сущностей духовных, вроде, нет.

Иные думают по норам отсидеться,
Не слышать совести вещающих гонцов,
Зовущих истину глаголить, как младенцам,
Поднять с гранита славу мудрецов.

Во времена, на мир идущих тучей
Вражды людей и прочих жутких бед,
Являлся в жизнь, чтоб освещать, как лучик,
Бунтарь, провидец, истинный поэт.

Так вот зачем средь пошлой злобы буден,
На перекрестках споров и стихий
Какие-то смешные, в общем, люди
Читают миру вещи стихи.

Живя мечтой, что в сонме заклинаний
Исчезнет тёмных супостатов власть,
Страстей мирских, как преисподней пламень
И клеветы прилипчивая грязь...

Они придут в тяжёлые моменты,
Совсем юнцы, седые старики —
На площадях и улицах планеты
Читать, как клятвы, верные стихи...

СТИХИЯ

Жизни зритель, не знавший печали,
Склонит исподволь голову ниц,
Как бы вслушиваясь изначально
В голоса замолкающих птиц.

С тишины начинается буря —
Самых верхних губительных шкал.
Входит силой нечистою будто
В добрый ветер взбесившийся шквал.

Может, беды ниспосланы свыше?
Ставя жизни людские на грань,
Исковеркает судьбы, как крыши,
Налетевший стремглав ураган.

Проявись же, Всевышнего милость
К мукам смертных, к смятению души
В перевёрнутом облике мира,
В круговерти людей и машин.

Связь с живыми пусть снова обрящет,
Попадавший под бури азарт,
Человечества выживший пращур.
Не исчезнувший, как динозавр!

Он знавал неприютность планеты,
Континентов разломанных дрейф,
Как с поверхностью смешивал недра
Тёмных сил необузданный гнев...

ПОСЫЛАЙТЕ

В путь-дорогу всегда посылайте
Разной критики всяческий сброд,
Если властвует, стих подавляя,
Присягнувший злословью народ.

Не чурался по случаю Пушкин
Загибать три колена легко:
Бог словесности, лучший из лучших
Посылал... Иногда – прямиком.

Посылайте – то ближе, то дальше
Всякой злобы любого посла,
На прикормленных заводах фальши
Как бисову отродью несть им числа.

Злу в ответ, чтоб скорее утихла
Боль извечно ранимой души,
В реки критики, как в воды Стикса,
Сам вступать никогда не спешил.

Нужно быть без упрёка и страха
Перед сонмищем злых дураков,
Посылать как предложено на х...
Ныне, присно, во веки веков!

Традиции словом, сложеньем исправным
Мне лавры признанья не обрести.
Сподоблюсь тогда я в кругу графоманов
Скандальностью лиры быть первым в чести!

Растут ромашки, зацветает клевер,
Жужжат шмели и пчёлы на лугу.
По старой памяти я выхожу на берег,
А детства годы... ждут на берегу.

Моя река увязла в жидкой тине,
И под травой мохнатой берега.
Здесь, может быть, за ветками густыми,
Ещё идёт мальчишских дней игра.

Вот-вот из мути вынырнет ондатра,
Пройдёт коровье стадо через мост...
Я эту радость детских чувств обратно
На берег из чужих краёв принёс.

Опять, как в детстве, тёплыми листьями
Коснутся рук кусты прибрежных ив...
И трепетных воспоминаний стая
Порхнёт на сердце, словно воробьи.

Я в сонме чувств, в виденьях детства первых
В когитостом мире леса был в гостях.
Меня туда увлёл писатель Кервуд,
Ведя по следу северных бродяг.

Я рос в тепле домашнего уклада,
Неспешной жизни созерцая быт,
Но в дебрях грёз к вершинам водопадов
Ходил уверенно, как зрелый следопыт.

Бывало, зимний хлад зайти домой заставит, —
Усядусь к печке... Ночь, огонь, и звук часов
Всё есть в жилище, чтоб читать, как волчи стаи
Голодный гон ведут в окрестностях лесов

Не убежал от бед большой медведь Неева.
Мне жалко Микки: **люди** травят пса...
Я спать – не спал, но гущу щей поев я
Спешил к друзьям – в канадские леса.

Мне в жизнь, как в книгу собственных историй,
Вписался – дружбы зверя и людского зла – контраст.
В душе слилось величье северных нагорий
С очарованьем родины пространств.

Поглупели поэты земли!
Стали умными критики сразу.
И знаток Сальвадора Дали
Учит живописи богомазов.

Бесцеремонно унижает и стихи, и судьбы
Всех ваших правок рэкетский наезд.
Я выражаю вам, высоколобым судьям,
Пред вечностью свой личностный протест!

Вы правил убивающих апологеты,
Найдёте тьму погрешностей легко
В неисправимом творчестве поэта,
В плетеньях вязи истинных стихов.

Одно я тоже знаю правило – такое,
Которое от вас, как от чумы, уберегло
Высокое косноязычие Толстого
И Маяковского тяжелое стило!

Такая гложет искренняя жаль меня,
Что многие поэты канули в неизвестность.
Как будто Пушкин не прочёл Державина,
И ломоносовской той звёздной бездны

Не нарушайте, я прошу вас, Бога ради,
Дыханье, сердца ритм, покой души —
Любой, случайно брошенной тирадой,
В осколки быющей зеркальце тиши.

В устах табу обыденному слову,
Пока в душе, как в утреннем лесу,
Спит глубоко зверья опасный норюв
И травы росы, как хрусталь, несут.

Как на земной, залитой солнцем почве,
В душе весны целебный обогрев.
В ней цвет рассыпан белым многоточьем,
Как по лугам и куполам дерев.

Пусть не мешает время, пусть позволит Вечность
Воспринимать мгновенья тишины,
Как сонмы слов на неземном наречье,
Что из глубин небес к душе обращены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.